

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2018, №2, Том 9 / 2018, No 2, Vol 9 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2018.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK218.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Куприянчук Е.В. Феномен «агрессивность – жертвенность» в социокультурном контексте // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK218.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kupriyanchuk E.V. (2018). The phenomenon of "aggressiveness – sacrifice" in the sociocultural context. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/03KLSK218.pdf> (in Russian)

УДК 17.036.1

ГРНТИ 04.51.51

Куприянчук Елена Викторовна

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: elena-kupr@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=782040

Феномен «агрессивность – жертвенность» в социокультурном контексте

Аннотация. Изложены результаты теоретического исследования, связанного с вопросами, рассматривающими социокультурные механизмы формирования феномена «агрессивность – жертвенность». Автор считает, что агрессия и жертвенность являются двумя взаимосвязанными сторонами деструктивного поведения, истоки слияния которых обнаруживаются как в фундаментальных исследованиях современной науки, так и в идеях православной религии. В статье исследуется социальное отношение к этосу жертвенности с точки зрения русской культурной обусловленности. Приоритеты ненасилия, совестливости, жалости, сострадания постепенно заменяются этикой смирения, терпения, непротивления, пассивности, переходящие в крайних своих проявлениях к самоистязанию, где человек с обликом страдальца, жертвы провозглашается мессией, призванной нести в мир высшие знания и абсолютные идеи. В контексте русской культуры артикулируются идеи прозрачности смысловых полей агрессии и жертвенности, репрезентирующиеся в социальных практиках как разрешение насилия через гипертрофированную жертвенность, доходящую до гротескных форм юродства, хилястических устремлений и самодурства власть предержащих. В русской культуре идеи агрессии, насилия, жестокости проявлялись через жертвенность. Пассивность, самоуниженность не являются альтернативами насилию. Только активное ненасилие – это конструктивное выражение силы, притом более сильное, чем насилие. Жертвенность же выражает позицию человека, который еще не «дорос» до насилия, но обязательно до него «дорастет». Агрессия и жертвенность выступают как аддиктивные стороны единого социального архетипа, влияя на развитие ментальности русского народа. Агрессивно – жертвенный модус поведения представляет собой архетип национального самосознания, моделируя глубинные трафареты социального поведения.

Ключевые слова: бинарные смысловые оппозиции; представления культуры; социокультурные механизмы конструирования; деструктивная идентичность; феномен «агрессивная жертвенность»; социальный архетип; ментальность; виктимность

Феномен «агрессивность – жертвенность», анализируемый нами в части диссертационного исследования, можно рассмотреть и в русле культурологической парадигмы. Обращает на себя внимание тенденция рассмотрения реципрокности, обратимости и взаимности, бинарных смысловых оппозиций в современной науке. Интересны идеи Э. Фромма о слиянии таких бинарных оппозиций, как садизм и мазохизм. Э. Фромм рассматривал способы обретения уверенности авторитарной, деструктивной личностью как двуединый процесс, с одной стороны, как мазохизм, основное стремление которого – «избавиться от собственной личности, потерять себя, иными словами, избавиться от бремени свободы» [1, с. 132]. С другой стороны как садизм, включающий «стремление полностью овладеть другим человеком, превратить его в беспомощный объект собственной воли, стать его абсолютным повелителем, его богом, делать с ним все, что угодно» [1, с. 136]. Мазохистские наклонности позволяют авторитарной личности преодолеть невыносимое чувство бессилия, «уничтожив собственное «Я», с другой стороны – это попытка превратиться в часть большего и сильнее его целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей. Этой силой может быть другой человек, Бог, нация, совесть или моральная необходимость. Индивид целиком отрекается от себя, от силы и гордости своего «Я», от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [1, с. 135]. Таким образом, авторитарная личность достигает наконец искомой цели – самоутверждения. Далее Э. Фромм заключает, что хотя «может показаться, что это стремление к неограниченной власти над другим человеком прямо противоположно мазохистскому стремлению, обе эти тенденции внутренне родственны, ибо происходят от одной и той же причины» [1, с. 137]. Их общая цель – симбиоз, под которым Э. Фромм понимает «союз некоторой личности с другой личностью, когда каждая сторона теряет целостность своего «Я» так, что обе становятся в полную зависимость друг от друга» [1, с. 138]. Э. Фромм экстраполирует свою теорию сначала на исторические судьбы определенной нации, имеется в виду фашизм, а затем она приобретает все более абстрактные и глобальные черты. Наряду с Э. Фроммом в разработку данной концепции включаются Т. Адорно, Г. Маркузе, Н. Хоркхаймер, Э. Френкель – Брунвик, Д. Левинсон, Р. Санфорд. Данное направление исследования сформировалось как неомарксистский фрейдомарксизм [2].

Положения о взаимообусловленности противоположностей высказывали и другие ученые. Так М. Фуко, соединяющего в единую конструкцию «безумие» и «норму». Через психическую болезнь можно разгадать сущность нормы жизни. Психическая болезнь понимается им как проявление этой скрытой сущности [3].

В семиотике культуры Ю.М. Лотман анализирует взаимообусловленность таких противоположностей, как «глупое – умное – сумасшедшее». Противопоставляемые в обыденном сознании «глупость и умность» сливаются в своей предсказуемости в противовес «безумию», нарушающему запреты, когда совершаются поступки, запрещенные для «нормального» человека, такое поведение отличается непредсказуемостью. Переход от предсказуемого к непредсказуемому поведению в остроконфликтных ситуациях бывает весьма эффективен. Ю.М. Лотман описывает эффективность такого поведения на примере берсерков – воинов, которые в состоянии «боевого безумия»: грызут щиты, срывают с себя одежду, уподобляются зверям, рычат, не чувствуют боли, могут резко повысить боеспособность войска, выбивая противника из привычной ориентации в ситуации боя. Он также указывал на существование в литературе тропа, основанного на взаимообмене противоположностей

доминирующими признаками. Такой прием широко применялся в обширной барочной литературе «перевернутого мира» [4, с. 124].

В русской культуре существует соединение таких оппозиционных сущностей как «юрродство» и «самодурство», особенно ярко проявляющиеся в маргинальном поведении Ивана Грозного. Слово «самодур», состоящее из двух составляющих, внутренне противоречиво с этимологической точки зрения. Первая часть слова отражает значение присущее гипертрофированной личности, вторая часть связана с семантикой глупости. Само соединение этих двух смысловых элементов – оксюморон, смысловое противоречие. Соединение этих двух смысловых групп также может порождать два отличных смысловых оттенка. С одной стороны, оно может означать самоутверждение глупости. С другой стороны – может реализовываться как бессмысленное и безграничное новаторство, то есть нарушение стабильности ради самого нарушения. Самодурство сродни юродству. Среди русских юродивых значительное место занимали пришельцы с Запада, в том числе немцы. Таким образом, в самом факте юродства заложено противоречие: вмешательство чужака, часто иностранца и всегда пришельца «не от мира сего» создает типично русское и на языке других культур с трудом переводимое явление [4, с. 128-130]. Поведение И. Грозного, описываемое многими источниками, изумляло своей непредсказуемостью в переключении от святости к греху и наоборот, а также его юродство позволяло совмещать несовместимое, неся внутри себя контрастные оппозиции: богомерзкий образ жизни, переживаемый как метафора святости. Такое гипертрофированное, доведенное до гротескных форм, поведение стало возможным, на наш взгляд, вследствие эксцессов личной психологии от того, что власть царя была безгранична [5].

Таким образом, отказ от мышления, фиксирующего противопоставление бинарных оппозиций, разделяется многими учеными в различных областях знания, что составляет новую систему представлений культуры и форму современного опыта [5].

Мы считаем, что агрессия и жертвенность являются двумя взаимосвязанными сторонами деструктивного поведения, истоки слияния которых, можно обнаружить в идеях православной религии. Если сначала приоритетами православия являлись идеи ненасилия, совестливости, жалостливости, сострадания, то затем на первый план выдвигается этика смирения, терпения, непротивления, пассивности, переходящая, в крайних своих проявлениях, в самоистязание и страдание, где человек с обликом страдальца (жертвы) провозглашался мессией, призванной нести в мир высшее знание и абсолютные идеи. Ссылаясь на высказывания Д.С. Лихачева об особенной черте русских доходить во всем до крайности, можно сделать вывод о том, что идея христианского ненасилия на Руси выхолащивается, переходя в православную жертвенность, где самоактуализация человека проявляется в желании страдать (К. Касьянова, П.А. Кропоткин, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, В.В. Розанов) [2]. «В нашей культуре терпенье, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» [6, с. 112]. В то же время, при отношении к своему телу, как не имеющему ценности, утрачивается возможность гуманного отношения к телам других людей. Привлекая работы В.Д. Губина, А.А. Гусейнова, В.Г. Щукина, можно сделать вывод о том, что как пассивность, так и самоуниженность не являются альтернативами насилию. Только активное ненасилие – это конструктивное выражение силы, притом более сильное, чем насилие: жертвенность же выражает позицию человека, который еще не «дорос» до насилия, но обязательно до него «дорастет» [7, 8, 9, 10].

Обращаясь к русской литературе, можно также проанализировать «анти-поведение», которое, в отличие от исихатского идеала праведной жизни, заключалось в полном отрицании страха божьего, удалстве, ухарстве, «карамазовщине». Такое поведение, характерное для

аскетичных и идеалистичных «новых людей» Н.Г. Чернышевского, героев С.Н. Степняка-Кравчинского, М.М. Горького также соответствует духу православной традиции. Можно заключить, что оба полюса культурного поведения на Руси – и пассивная жертвенность, и агрессивная вседозволенность – органически вписываются в рамки аскетично – жертвенного духовного подвижничества как национального архетипа [8]. К.О. Касьянова выдвигает «осторожную гипотезу», что в какие – то достаточно древние времена, когда «оформлялись наши «социальные архетипы», процесс этот происходил на популяции с довольно хорошо выраженными чертами эпилептоидного генотипа, – и так получилось, что наши культурные параметры заданы эти генотипом. В ходе истории, нашествий и миграций, генотип мог «смягчаться» и постепенно «размываться», но не исключено, что главные его характеристики сохранились. И в этом живучесть наших этнических архетипов, они приспособлены именно к этим характеристикам, они им нужны. Задачи культуры приспособить генотип к среде, к окружению, некоторым образом «обрабатывая», культивируя его. «Таким образом, мы культурные эпилептоиды» – то есть жертвенные агрессоры [6]. «Необычайно сильное подчеркивание в православии значения смирения и жертвенности есть культурная реакция на генотип, обладающий агрессивной реакцией» [6, с. 244]. Анализируя концепцию К.О. Касьяновой, можно отметить, что культурные параметры русской нации заданы эпилептоидным генотипом, а православие призвано идеями смирения и жертвенности ограничить и культивировать этот агрессивный генотип [6].

Можно резюмировать: в русской культуре идеи агрессии, насилия, жестокости проявлялись через жертвенность; агрессия и жертвенность выступают как аддитивные стороны единого социального архетипа, влияя на развитие ментальности русского народа. Агрессия, насилие на Руси разрешались через гипертрофированную жертвенность, доходя до гротескных форм. Вот почему, именно виктимность моделирует глубинные трафареты социального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
2. Куприянчук Е.В. Девиантные формы поведения: биосоциокультурный контекст // Гуманитарные науки, культура и образование: актуальные проблемы современности. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Институт дополнительного профессионального образования. Саратов, 2006. С. 75-81.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. – С.-Петербург, 2000. С. 12-149.
5. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009. 200 с.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: И.Н.М.Э., 1994. 367 с.
7. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – №3. – М., 1992. С. 72-81.
8. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. 2004. – №3. – С. 19-27.
9. Апресян Р.Г. Этика силы в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. 2010. №9. С. 143-153.
10. Лоренц К.Л. Агрессия (так называемое «зло») СПб: Амфора, 2001. 349 с.

Kupriyanchuk Elena Viktorovna

Saratov national research university N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
E-mail: elena-kupr@yandex.ru

The phenomenon of "aggressiveness – sacrifice" in the sociocultural context

Abstract. The results of a theoretical study related to issues that consider the socio-cultural mechanisms of the phenomenon of "aggression – sacrifice" are described. The author believes that aggression and sacrifice are two interrelated parties of destructive behavior, the origins of the fusion of which are found both in fundamental research of modern science and in the ideas of the Orthodox religion. The article examines the social attitude to the ethos of sacrifice from the point of view of Russian cultural conditioning. The priorities of nonviolence, conscientiousness, pity, compassion are gradually replaced by the ethics of humility, patience, non-resistance, passivity, transient in extreme manifestations to self-torture, where the person with the image of the sufferer, the victim is proclaimed a messiah, called to bring to the world higher knowledge and absolute ideas. In the context of Russian culture, the ideas of transparency of the semantic fields of aggression and sacrifice are articulated, represented in social practices as the resolution of violence through hypertrophied sacrifice, reaching the grotesque forms of foolishness, chiliastic aspirations and the tyranny of the powers that be. In Russian culture, the ideas of aggression, violence, cruelty were manifested through sacrifice. Passivity, self-abuse are not alternatives to violence. Only active nonviolence is a constructive expression of strength, which is stronger than violence. Sacrifice also expresses the position of a person who has not yet "grown" to violence, but necessarily before it "grows". Aggression and sacrifice act as addictive aspects of a single social archetype, influencing the development of the mentality of the Russian people. The aggressive-sacrificial mode of behavior is an archetype of national self-consciousness, modeling the deep stencils of social behavior.

Keywords: binary semantic oppositions; cultural representations; socio-cultural mechanisms of construction; destructive identity; the phenomenon of "aggressive – sacrifice"; a social archetype; mentality; victimization

REFERENCES

1. Fromm E. (2006). *Escape from freedom. Man for himself*. [Russ. ed.: Begstvo ot svobody. Chelovek dlia sebia. Moscow: AST, p. 571].
2. Kuprianchuk E.V. (2006). Deviantnye formy povedeniia: biosotsiokulturnyi kontekst. [*Deviant forms of behavior: biosociocultural context.*] Saratov: Institute of additional vocational education, pp. 75-81.
3. Fuko M. (1997). Istoriia bezumiia v klassicheskuiu epokhu. [*The history of insanity in the classical era.*] Saint Petersburg: University Book, p. 576.
4. Lotman Iu.M. (2000). Kultura i vzryv. [*Culture and Explosion.*] Saint Petersburg: Semiosphere, pp. 12-149.
5. Krasikov V.I. (2009). Nasilie v evoliutsii, istorii i sovremennom obshchestve. Ocherki. [*Violence in evolution, history and modern society. Essays.*] Moscow: Aquarius, p. 200.
6. Kasianova K. (1994). O russkom natsionalnom kharaktere. [*On the Russian national character.*] Moscow: I.N.M.E., p. 367.
7. Guseinov A.A. (1992). Ethics of nonviolence. *Issues of Philosophy*, 3, pp. 72-81. (in Russian).
8. Guseinov A.A. (2004). Is there a moral justification for violence? *Issues of Philosophy*, 3, pp. 19-27. (in Russian).
9. Apresian R.G. (2010). Ethics of Power in Combating Violence and Aggression. *Issues of Philosophy*, 9, pp. 143-153. (in Russian).
10. Lorents K.L. (2001). Agressiia (tak nazyvaemoe «zlo»). [*Aggression (the so-called "evil").*] Saint Petersburg: Амфора, p. 349.